

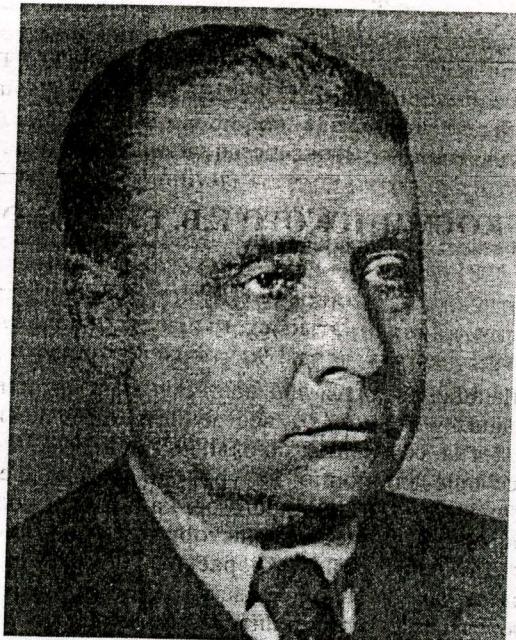
ПИСЬМА Е.А. КОСМИНСКОГО Е.В. ГУТНОВОЙ (1941–1959)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая публикация касается лиц, занимавших в исторической науке весьма заметное место, стоявших у истоков отечественной медиевистики середины и второй половины XX столетия, создавших школы, – сильных личностей, своими трудами и авторитетом все еще влияющих на уровень и атмосферу в отечественной медиевистике. Но их переписка – не просто зеркальные осколки тесно связанных между собой биографий двух известных историков. Это особый и, несомненно, существенный аспект истории нашей науки, раскрывающий нравственный и профессиональный облик известных учёных, прежде всего самого автора и, отраженно, его адресата, круг их интересов, симпатий и антипатий, их идеи и эмоции, манеру проявления личных чувств на разных уровнях – как интимного общения, так и профессионального суждения, в частности рассчитанного на публичность. Письма Е.А. Косминского военных лет, обычно пространные и откровенные, поражают полнотой мыслей и чувствований российского интеллигента, патриота, ученого, глубокого и творческого человека. С конца 40-х и в 50-е годы они до удивления точно отражают темп, стиль, интересы и, если так можно сказать, "обычную практику" профессиональной среды историков той многослойной и все еще опасной поры. Короче, это документы большого историко-культурного значения, которое, как мне представляется, превышает рамки только медиевистики и исторической науки вообще.

Евгений Алексеевич Косминский (1886–1959) – ученый мирового класса, автор замечательных трудов по истории средневековой Англии, историограф и палеограф, член-корреспондент (1927), затем академик (1946) отечественной Академии наук и член различных научных ассоциаций Великобритании, человек высокой культуры и разносторонних дарований, долгие годы был признанным главой отечественной медиевистики¹. И сегодня в нашей среде чтут его память – за многие нестареющие шеи, ряд образцовых исследований, яркость натуры, высокие нравственные свойства. Его труды по истории английской феодальной деревни, по проблемам методологии и историографии западного Средневековья, разделы во "Всемирной истории", его инициатива по созданию первого в нашей стране обобщающего труда об Английской революции XVII в., авторская и редакторская работа в этом обширном издании – далеко не все, созданное им на ниве академического исследования. Примечательны и другие таланты Евгения Алексеевича: наблюдательность и остроумие, дар увлекательного рассказчика, его (столь редкие ныне) эпистолярные упражнения, удачные поэтические опыты на русском и латинском языках, профессиональные рисунки и акварели, главным образом с карикатурно-юмористическим оттенком, иллюстрации к художественным произведениям.

¹ Литература о Е.А. Косминском обширна: о его научной и общественной деятельности с середины 50-х и по 90-е годы писали многие авторы. См. последнюю публикацию: Гутнова Е.В. Евгений Алексеевич Косминский. – Портреты историков: время и судьбы. Т. 2. Всеобщая история. Отв. ред. Г.Н. Севостьянов, И.П. Маринович, Л.Т. Мильская. М. – Иерусалим, 2000, с. 167–176; там же – сведения об основных трудах Косминского, библиографиях его трудов и трудах о нем. Кандидатская диссертация об ученом: Шарова А.В. Евгений Алексеевич Косминский и советская историческая наука 1920–1950-х гг. М., 1994 (на правах рук.).

Евгений Алексеевич Косминский

Связав с 1915 г. судьбу с Московским (тогда – Императорским) университетом, Косминский стал первым заведующим первой кафедрой средних веков на основанном в 1934 г. историческом факультете МГУ (1934–1949, с перерывом в 1941–1943 гг.). Позднее заведовал сектором истории средних веков (1947–1952), затем, до своей кончины, сектором византиноведения в Институте истории (ныне Институт всеобщей истории) Академии наук. В разное время работал и в других научных учреждениях, преподавал во многих престижных вузах. С основания ежегодника "Средние века" и до своей кончины был его ответственным редактором (1942–1959), возглавлял редколлегию "Византийского временника" (1947–1959). Был одним из инициаторов и авторов первого созданного МГУ учебника, а также автором первого школьного учебника по истории Средних веков, по которым учились многие поколения молодежи.

В 1939 г. все восемь первых одаренных и энергичных дипломников его кафедры были без экзаменов оставлены в аспирантуре: Евгений Алексеевич имел в виду восстановить захиревшую к тому времени отечественную медиевистику, подготовив молодых и талантливых ученых. Среди этой "восьмерки" были его ученицы – Евгения Владимировна Гутнова и Кира Николаевна Татаринова. К ним присоединился, успешно сдав экзамены, учитель истории Яков Александрович Левицкий, также стремившийся изучать средневековую Англию под руководством Косминского. Эти его первые университетские ученики на протяжении всей последующей жизни успешно сотрудничали, искренне дружили между собой и были преданы учителю.

Своих питомцев Евгений Алексеевич постоянно опекал. Учил "ремеслу", подсказывал темы исследования, направлял научные труды в соответствии со своими принципами: "История – строгая муз" и, поэтому, – никакого эпатажа. Замечательный знаток иностранных и древних языков, средневековых источников и литературы, блестящий лектор, одаренный художник и автор остроумных экспромтов, авторитетный и не склонный к фамильярности Косминский, при некотором высокомерии и властности, относился к молодежи бережно. Он способствовал продвижению учеников, интересовался их бытовыми проблемами, всегда был готов помочь или хотя

Евгения Владимировна Гутнова

бы подбодрить. Последнее оказалось особенно важным во время войны. Много и бескорыстно, не считаясь со временем и усилиями, помогал он и другим, прежде всего талантливым ученым. Особенно внимательно он следил за научной эволюцией Е.В. Гутновой – способной, волевой, прекрасно профессионально подготовленной, очень серьезной и трудолюбивой и, что было немаловажно для эстета Косминского, необыкновенно хорошенкой и женственной. Он направил интерес Евгении Владимировны на изучение социо-политической и институциональной истории средневековой Англии, впоследствии передал ей свой курс историографии средних веков, Евгений Алексеевич пристально следил за ее научным ростом, поддерживал в сложные периоды жизни, внимательно рецензировал ее статьи, кандидатское и докторское исследования. Молодая Гутнова особенно нуждалась в нравственной поддержке. Происходя из известной семьи Розенбаумов, все младшее поколение которой – три брата и две сестры – относились к верхушке меньшевистского движения (дядя ее – Ю.О. Мартов, муж тетки – Ф.И. Дан, отец – Левицкий, и т.д.), она пережила ссылку и расстрел отца, гонения на семью, арест в 1939 г., к счастью, кратковременный, но сломавший творческую судьбу ее мужа, талантливого художника-новатора Э.А. Гутнова, уже известного своими работами по оформлению книг. Заботливая поддержка Косминского – авторитетного ученого и организатора науки, тонкого человека и заботливого наставника – была для Евгении Владимировны неоценимой.

² Е.В. Гутнова (1914–1992) вполне оправдала надежды любимого и глубоко чтимого учителя². Будучи преподавателем МГУ, она, едва перешагнув за четвертый десяток (т.е., по понятиям того времени, очень молодой), защитила докторскую диссертацию (1957), стала профессором, впоследствии ведущим сотрудником Института всеобщей истории (ИВИ) РАН. Она заняла заслуженно высокое место в отечественном англо-

² О Е.В. Гутновой см. статьи А.А. Сванидзе в кн.: "Средние века". 1984, вып. 47 (там же – список научных трудов Е.В. Гутновой, сост. Т.С. Федоровой); Сванидзе А.А. Евгения Владимировна Гутнова. – "Новая и новейшая история", 1994, № 3. Последняя публикация: Сванидзе А.А. Евгения Владимировна Гутнова. – Портреты историков... с. 258–264; там же – сведения об основных трудах Гутновой.

ведении и медиевистике вообще. Гутнова создала школу по политической истории средневековой Англии, разработала свою концепцию сословной монархии и возникновения парламентских учреждений, способствовала систематическому изучению в отечественной науке парламентов как выражений сословной системы в отдельных странах Западной Европы. Она продолжила и развila труды Косминского по зарубежной историографии средних веков, составив по этой проблеме основательный учебник, неоднократно переиздававшийся в советское время. Широко эрудированный медиевист и неустанная труженица, она написала фундаментальные научные сочинения также по разным вопросам феодальных отношений в Европе, по истории народных движений и крестьянской идеологии, занималась проблемами феодальных монархий, их отношений с бурггерством и другими сословиями. Она автор популярного учебного пособия по марксистской теории феодализма, серии очерков по истории отечественной исторической науки и биографий выдающихся советских медиевистов. Воспитала десятки учеников. В течение многих лет была активным членом редколлегии "Средних веков", внимательнейшим ответственным редактором и желанным автором в вузовских учебниках, крупнейших обобщающих трудах и тематических сборниках, членом ряда Ученых советов, способствовала выходу в свет многих достойных трудов медиевистов. Гутнова была самым внимательным биографом своего учителя, публикатором его неизданных трудов, последователем его научных методов, пропагандистом идей, научных и нравственных позиций. Большое место уделила она Е.В. Косминскому и в своих интересных мемуарах, которые писала в последние месяцы жизни: они вышли под названием "Пережитое" (М., 2001). Подготовивший эти мемуары к печати внук и душеприказчик Евгении Владимировны кандидат исторических наук, доцент МГУ, исследователь российской истории Дмитрий Алексеевич Гутнов любезно передал мне для публикации нижеследующую подборку писем Косминского из домашнего архива Гутновой.

Война разлучила Косминского с учениками, по которым он очень скучал. Все они оказались разбросанными по разным городам Средней Азии, Южного Урала, Сибири и Поволжья, уехав в эвакуацию из осажденной фашистами Москвы вместе с МГУ или академическими институтами, либо самостоятельно. Корреспонденция Евгения Алексеевича, его поездки или переезды в военные годы охватывают Казань, Ташкент, Свердловск, Тюмень, Томск, Омск, Ашхабад; в письмах постоянно упоминается любимая Москва. Как и все соотечественники, учёные переживали сиротство и трудности долгого военного времени. Переписка Косминского, особенно с Гутновой, была весьма интенсивной: обмен письмами происходил подчас по несколько раз в неделю, прежде всего по инициативе Евгения Алексеевича. После войны он все чаще недогонял, и тогда личное общение с ученицей снова заменялось корреспонденцией.

Письма Гутновой не найдены, возможно, они не сохранились. Но Евгения Владимировна сберегла все письма, записки, телеграммы учителя. Она разделила его послания на три части. Одну часть, которая носит преимущественно "академический" характер – там более всего речь идет о прочтенных Косминским главах ее диссертаций и других трудов, содержатся важные образцы научного подхода и анализа Евгения Алексеевича, метода его работы с научными рукописями коллег – Гутнова передала в его фонд в Архиве РАН; возможно, позднее их удастся также опубликовать. Значительную часть писем Е.В. Гутнова оставила в своем домашнем архиве, разрешив опубликовать одну из их подборок лишь после своей кончины. Именно эта часть передана мне для публикации. Третью часть писем Евгения Владимировна запечатала, написав на пакете разрешение опубликовать их через 30 лет после ее кончины. Таким образом, предлагаемая ниже часть писем Косминского к Гутновой подобрана ею самой, в четком соответствии с ее личными соображениями.

В этой подборке 54 корреспонденции, охватывающие период с августа 1941 г. по конец мая 1959 г., т.е. почти до конца жизни Косминского. Но распределены они весьма неравномерно. Отсутствуют письма почти за восемь лет: за период после января 1943 г. и до конца декабря 1949 г., и новый пропуск – за 1950–1952 гг. Затем

имеются только одно письмо и телеграмма соболезнования по случаю кончины матери Гутновой от 1952 г. Зато 1953–1958 гг. представлены многими посланиями. Однако после середины 50-х годов это нередко лишь краткие записи, состоящие из нескольких фраз: поздравления или ответы на поздравления по разным случаям, беглая информация о здоровье. Такого рода записи в публикацию не включены. Остальные письма даются с редкими и незначительными купюрами, которые обозначены в тексте круглыми скобками. Некоторые фразы в письмах были подчеркнуты Е.В. Гутновой (судя по всему, они так или иначе использованы в ее статьях об учителе); эти места нами обозначены. В примечаниях к письмам основное внимание уделяется, естественно, событиям и людям, наиболее плотно вошедшим в орбиту научного и человеческого интереса Косминского. Здесь использованы, помимо письменных материалов, впечатления самой Е.В. Гутновой и лично известные факты, которыми она нередко делилась со мной (ведь мы были тесно связаны с конца 40-х годов).

Письма Косминского Гутновой, как уже очевидно из сказанного выше, дают весьма "неформальное" представление о характере, устремлениях, круге интересов самого Евгения Алексеевича и, в известном отражении. – Евгении Владимировны. Они обнаруживают глубокое личное чувство, романтические и, в конечном счете, драматические отношения, которые и украшали, и осложняли напряженную жизнь двух серьезных, достойных, талантливых людей и крупных ученых. Разумеется, значение писем этим далеко не ограничивается. На мой взгляд, содержание писем Косминского представляет интерес во всех своих частях – как тогда, когда речь идет о принципиальных вопросах науки и ее организации, преподавания, обстановки в медиевистике, так и тогда, когда автор рисует свои настроения, тоску по близким людям, выражает взгляды на войну с фашистами и условия тогдашнего тылового быта, обнаруживает свое отношение к отдельным коллегам, сетует на ухудшение здоровья, поскольку это мешает его деятельности, или радуется весне. Поэтому и последние сюжеты, несмотря на известные повторения, не исключены из публикации.

Обращают на себя внимание постепенные изменения в тоне и содержании писем; нередко достаточно ясны и разные причины, их определившие. Кончилась война, когда люди жили по главному счету, ведомые надеждой на победу – "свет в конце тоннеля". Но в послевоенные годы возобновились тяжкие удары жестокой советской системы. "Кампании против", с истерическими воплями и при активном участии в них многих коллег и даже учеников, налагались на борьбу амбиций, за место под солнцем, известность и привилегии. Все это катком прокатывалось по людям и отношениям, судьбе самой науки. Евгений Алексеевич стал академиком, – звание высокое, авторитетное, а тогда наделявшее и известной реальной властью, и материальными благами. Но он все больше побаивал, жена и свояченица отгораживали его не только от забот, но и от среды; он почти не выезжал с дачи и постепенно отходил на периферию бурной научной жизни, лишь краем захватывая ее борения, хотя все еще старался работать, заботился о делах науки. А его любимая ученица уже далеко не девочка, она входила в пору мужчина. Вечные страхи беспартийной Гутновой в связи с ее "осложненной", как тогда говорили, биографией, помимо прочего внушавшие ей довольно жесткую "внутреннюю цензуру" (которая, впрочем, вообще была характерна для историков доперестроечной поры), постепенно, по мере смягчения политического режима, теряли свою остроту, хотя страдания, опалившие ее сердце, остались с ней навсегда. Благодаря заботам Е.А. Косминского Евгения Владимировна, вернувшись в Москву из эвакуации, поступила в докторантuru Института истории АН СССР (ныне Институт всеобщей истории РАН), затем пришла на кафедру средних веков МГУ. Счастливо уцелев во время "кампаний" 1949 г., предыдущих и последующих годов, она стала доктором и профессором, одним из ведущих медиевистов – ученых и преподавателей МГУ, авторитетным педагогом и исследователем, отстаивала свои принципы по поводу научных проблем и этики коллегиальной среды.

Между тем цветущая романтика отношений между учителем и ученицей увяла под напором лет, нерегулярности личного общения, заточения больного Косминского на даче и других объективных помех. Возникали какие-то недоразумения, которые были бы легко смыты при прямом разговоре, без посредничества третьих лиц, что, к сожалению, было почти невозможно.

Но Косминский был все еще рыцарь, он стоял на страже интересов своих питомцев и талантливых коллег, ради них и родной науки бросал он на чашу весов свой престиж и остатки сил.

Мой приятный долг – выразить большую признательность Д.А. Гутнову, сохранившему и предоставившему мне для публикации эту подборку писем Косминского; ученику Гутновой, кандидату исторических наук и старшему научному сотруднику ИВИ РАН – Д.Г. Федосову, который транскрибировал рукописные тексты писем и подготовил их полный компьютерный набор; аспирантке К.В. Ивановой, сделавшей оригинал-макет завершенной мной публикации, а также тем коллегам, которые оказали помощь при составлении комментариев, сообщив трудно доступные мне сведения.

А.А. Сванидзе, доктор исторических наук, профессор, заведующая Центром западноевропейского Средневековья Института всеобщей истории РАН

31.VIII.41

Милая Женя, у меня тяжело на душе и хочется поговорить с далеким другом. В одном из Ваших писем Вы написали слово "нытье". Я думаю – это не нытье – сохранять всю возможную бодрость духа для дела и для окружающих, но о печали своей рассказать тому, кто любит и поймет. Это не обессиливает, как нытье, а утешает, и часто дает новые силы. Поэтому, Женя, пишите мне все, что вам хочется мне сказать, и я буду писать Вам. Хотелось мне писать о том, что разрывает сердце, о страшном кошмаре, нависшем над человечеством, о кровавом кризисе, о неисчислимой массе физических и нравственных страданий, но для этого нет еще слов. Я начинаю все больше сознавать, что подлинный историк должен не только знать и "понимать" историю, но и чувствовать ее – и какое надо иметь сердце, чтобы вбрать в себя всю массу страданий, перенесенную человечеством на пути к лучшему будущему, которое, верю, наступит, но в преддверии которого стоит ужасающий кошмар наших дней, превзошедший все ужасы прошлого. Почему нет спецкурса – "История человеческих страданий"? Как надо учиться не только объяснять и излагать, но и любить и ненавидеть, жалеть и презирать? Какими безжизненными и тусклыми представляются мне все читанные нами курсы, и как хочется новых, небывалых интонаций мысли и слова, которых у нас, историков, нет, и для которых нужны не наши силы. В этом страшном вихре огня и крови учиться по-настоящему любить "и в поле каждую былинку, и в небе каждую звезду...". Но какими словами рассказать об этой любви?³ Чувствую, что надо учиться заново. Но об этом, вероятно, еще не раз буду Вам писать ("поговорим в следующий раз", на нашем штампованным языке).

Милая Женя, очень жду Вашего письма (я получил одно письмо и открытие). Очень мне интересно, как пойдет у Вас педагогическая работа в средней школе. При других условиях я порадовался бы за Вас. Работа в ср(едней) школе дает много такого

³ Здесь и далее выделено Е.В. Гутновой.

и ставит такие вопросы, мимо которых в вузе легко проколзнутуть. Виппер⁴ долгое время был учителем в средней школе, и это не могло не отразиться на его своеобразном таланте. Но все будет зависеть от множества привходящих условий места и времени, которые я себе вполне не представляю. Хочу знать больше о Вас, ясно представить себе всю Вашу обстановку и жизнь. Как и Вы, я часто задаю себе вопрос – что Вы делаете, что думаете в тот или другой момент? Передо мной одна из дорогих мне вещей – фотография, где я снят вместе с Вами и Кирой⁵ в той "маленькой комнате"⁶, где мы так часто разговаривали. Какой дорогой и далекой представляется теперь эта комнатка! Так страшно думать о всех невзгодах, которые Вас окружают, и о самых худших из всех – бесплодных и ненужных усилиях, которые приходится тратить на бытовые мелочи. Желаю Вам как можно больше сил и внутреннего горения. От Казани до Омска⁷ немногим более 1500 км по прямой (сейчас вымерял по карте, не смейтесь над ребячеством). Не дотянуться. Но все-таки вытягиваю руку как можно дальше на восток для дружеского пожатия.

Ваш Е.К.

6.IX.41

Дорогая Женя, я решаюсь еще раз назвать Вас этим нежным именем, хотя оно исчезло из Вашей подписи в последних письмах. Вообще Вы должны простить мне мою несдержанную сентиментальность моих писем: 1) потому что она была совершенно искренней, 2) потому что она объясняется взволнованностью расставания, потери Ваших следов и их обретения.

Получил сегодня Ваше письмо от 28.VIII. Я сердечно рад, что Вы и Ваш мальчик⁸ здоровы и что Вы более или менее примирились с судьбой. Очень интересует меня, как у Вас пойдет педагогическая работа. Я когда-то (очень недолго) вел преподавание в средней школе. Судя по моим воспоминаниям, по отзывам моих учеников и педагогов, слушавших мои уроки, у меня было несомненное дарование к преподаванию, гораздо более несомненное, чем к науке или вузовской работе. Потом я нередко жалел, что не пошел по этому пути, или хотя бы не отдал ему больше времени. Меня эта работа увлекала и волновала, как никогда потом. Преподавал я историю и русский язык и, помню, увлек класс чтением и объяснением сатиры Кантемира "К уму своему". Я думаю, что при благоприятных условиях преподавание в ср(едней) школе, особенно в старших классах, может дать большое нравственное удовлетворение преподавателю и быть очень полезным для будущего ученого и лектора. Учитель ближе к ученикам, он не может с докторским видом проколзнуть мимо вопросов, в которых не успел или не сумел разобраться, отделаться фразой, что "этот вопрос в науке еще недостаточно разобран" (обычная формула Стокли-

⁴ Виппер Роберт Юрьевич (1859–1954) – академик, автор многих трудов по истории от Античности и Средних веков до (его) современности. Один из наиболее прогрессивных профессоров МГУ в дореволюционное время и наиболее уважаемых – в советские годы. См. о нем: Голубцова Е.С. Роберт Юрьевич Виппер. – Портреты историков..., т. 2, с. 7–15.

⁵ Кира – Татаринова Кира Николаевна, соученица по семинару у Косминского и подруга Гутновой. В войну оставалась в Москве. Впоследствии занималась новой историей Англии, к.и.н., доцент МГПИ.

⁶ "Маленькая комната" прилегала к "большой" как часть помещения кафедры средних веков исторического факультета МГУ, размещавшегося тогда на ул. Герцена, 5 (бывшей и современной Поварской). Фотоснимок занятия Косминского с его двумя ученицами хранится также в личном архиве Гутновой.

⁷ "От Казани до Омска". Косминский был эвакуирован в Казань вместе с Институтом истории АН СССР. Гутнова с сыном, матерью и кузиной оказалась в Омске, где сначала учителяствовала в средней школе, позднее стала преподавать в тамошнем пединституте.

⁸ "Ваш мальчик" ("Леша") – Алексей Эльбрусович Гутнов, сын Е.В., впоследствии известный московский архитектор, профессор, доктор наук.

кой)⁹, или чем-нибудь в этом роде. Он должен довести каждую мысль до предельной ясности, прежде всего для самого себя. Наконец, возможность воздействия нравственного и обще-культурного в средней школе несравненно выше, чем в вузе Но, говорю я, все это при благоприятных условиях. Такие обстоятельства, как отсутствие дисциплины, невежественное "руководство" и пр., играют в средней школе гораздо большую роль, чем в высшей. Очень мне интересно, как у Вас пойдет дело. Пугает меня 3-я смена.

Мне, как это уже часто бывало, пришлось оставить тему об английской деревне до лучших времен. Исторический институт требует выполнения планов, а т.к. я материально вполне от него завишу, мне приходится считаться с его требованиями. А в плане стоит на конец сентября работа о культурных связях России и Англии¹⁰ размером в 4 п.л. Пришлось пока отложить все и заняться этой темой, которая, впрочем, мне очень по душе. Приходится близко знакомиться с историей общественных течений и литературы XVIII и XIX вв. (до XX я, вероятно, по отсутствию нужного материала, не доберусь), перечитывать многое дорогое и любимое, в том числе и Пушкина, о котором Вы так тоскуете. Очень понимаю Вашу тоску, но неужели в Омске нельзя найти Пушкина? Я тоже почти ничего не взял, кроме "Англ(ийской) деревни"¹¹ и Ваших подарков. Впрочем, захватил еще папку со своими рисунками, в том числе и с теми карикатурами, которые Вы смотрели у меня в последний раз. Но карикатур я теперь не рисую, а занялся фресковой живописью. Две старых потрескавшихся печи в моем мезонинчике я расписал драконами, турками, петухами, цветами, фруктами, и комната приняла совсем другой вид.

Вы говорите о чужом и противном городе. Я ничего не могу сказать плохого о Казани. Это скорее даже хороший город, но чужой, чужой. Не могу заставить себя познакомиться с ним поближе – просто я его не вижу, не замечаю, весь уйдя в работу, в мысли. До сих пор не был на Волге – а она в трех километрах. Чувствую, что это стыдно.

Аккуратно получаю письма от Киры, очень мужественные, хотя чувствуется, что ей нелегко. В последнем письме она сообщила мне Ваш адрес. Вероятно, одновременно она получила мое письмо, где я ей делаю такое же сообщение. Не могу не повторить вслед за Вами – "она очень хорошая".

Жду начала занятий, назначенного на 1 октября. Сегодня имел совещание с деканом Рогинской¹² по вопросу о практикумах. Она понемногу осваивается со своим деканством. Отправляю это письмо "до востребования", т.к. Вы пишете, что так лучше доходят. Но, кажется, два письма и две открытки были отправлены мной по Вашему домашнему адресу. Получили ли Вы их?

Пишите мне по моему домашнему адресу – здесь легче теряются письма от востребования. Привет Вашему мальчику. Крепко жму Вашу руку.

Ваш Е.К.

⁹ Стоклицкая – Вера Вениаминовна Стоклицкая-Терешкович, д.и.н., профессор МГУ, основатель советской школы урбанизации в медиевистике, автор ряда солидных трудов по истории немецких средневековых городов и первого обобщающего труда о средневековых городах Западной Европы.

¹⁰ Публикация материалов "Академик Е.А. Косминский о культурных связях России и Англии в XVII-XIX вв." подготовлена к.и.н., доцентом РГГУ А.В. Шаровой: Исторический архив, 1994, № 6.

¹¹ "Английская деревня в XIII в." – первая монография Косминского, вызвавшая много нападок в связи с недогматическим марксизмом автора (М., 1935). Впоследствии частично вошла в его вторую монографию – "Исследование по аграрной истории Англии в XIII в." (М., 1947), ставшую классическим исследованием по данной проблеме. Работу над ней, как видно из писем, Косминский продолжал, несмотря на многие и различные помехи, и в годы войны.

¹² "Декан Рогинская" – А.Е. Рогинская, окончила истфак МГУ (1941 г.?), автор кандидатской диссертации о Филиппе де Комине (см. "Средние века", вып. 2), скорее всего ученица С.Д. Сказкина. Речь, видимо, идет о преподавании Косминского в Казанском университете.

Женя милая, родная, получил сегодня Ваше большое письмо от 6.X. Предыдущее было от 29.IX. Одно из двух – или Вы не получили моего длинного письма от 18.IX, адресованного до востребования, или я не получил Вашего ответа на него, т.к. в Ваших письмах упоминаются только открытки от 17.IX, 20, 21 и 25.IX. Было бы очень жаль, если бы Вы не получили того письма, в него было много вложено. Спасибо Вам, родная, что Вы пишете мне так часто при Вашей страшной загруженности. Каждое письмо от Вас и от Киры для меня как звездочка ненастной ночью. Впервые в эти дни я порадовался, что Вы в Омске, как бы ни был он плох. Тревожусь непрерывно за Кириу, Окраины Казани, по-видимому, напоминают Омск, хотя центр асфальтирован и довольно чист. Но на наших улицах тьма и грязь, а теперь еще и гололедица, так что вечером ходить очень неприятно. И хотя в Казани работают театры, концерты, кино и цирк, но все эти культурные развлечения для меня недоступны, равно как и посещение знакомых, которые днем обычно заняты. Вечерами я работаю у себя на мезонинчике и пишу письма. Конечно, жизнь моя много легче Вашей – да хотя бы потому, что я гораздо меньше загружен и освобожден от большей части житейских забот, а кроме того могу – и даже должен – читать книги, в том числе и латинские. Томы "Патрологий" Миния и "Монумента Герм(ания Хисторика)" составляют постоянную часть моего книжного долга в здешней библиотеке. Затем есть среди ученых товарищей, и хотя Вы знаете мое отношение к большей части "научных работников", но науч(ное) общество Петрушевского¹³ для меня большая отрада. Впрочем, в последнее время становится трудно спокойно работать, и живешь буквально от радио до газеты и от газеты до радио. "Правда" здесь получается на другой день, и кроме того здесь выходит местная газета "Красная Татария", составляемая очень недурно. Иногда навещаю Рогинскую, живущую в университете дворе – все-таки она мне немножко напоминает родной Истфак. Простите, если я пишу несвязно, сегодня от холода и пронизывающей сырости у меня разболелась голова и я рано ушел из библиотеки, теперь в голове тяжесть.

Сейчас трудно писать о себе – все то, чем мы вместе с великим множеством людей болеем и мучимся, возросло до высочайшего напряжения и захлестнуло самых близких людей. Москву ощущаешь, как живое существо, над которым занесена преступная рука. Какие испытания придется еще перенести – не нам лично, а всей родине, всему человечеству – и зачем, и каково будет пробуждение от этого страшного кошмара? И никогда ничем не искупить тех, для которых все кончилось невозвратно. Опять я прихожу к ощущению истории. Я уже писал Вам, что не сумел на своих лекциях дать то новое, что я чувствую, но что не успел еще вполне облечь в законченную мысль и адекватное слово, то есть не то что вполне, а совсем еще не успел. И силы для этого нужны другие, а у меня при виде аудитории невольно опять начинаются привычные трафаретные фразы.

¹³ Петрушевский Дмитрий Моисеевич (1863–1942) – академик (1929), выдающийся отечественный медиевист, первый директор Института истории РАНИОН (20-е гг.). Талантливый исследователь, просветитель и педагог, один из основателей русской аграрной школы в медиевистике, специалист по социально-экономическим и политическим проблемам, автор фундаментальных трудов по истории средневековой Англии, социально-экономической истории средневековой Западной Европы и др., публикаций источников по Западному Средневековью, глубокий знаток историко-философской мысли. Учитель многих известных медиевистов, составивших позднее собственные школы, яркий и самоотверженный человек. С конца 20-х годов и, по меньшей мере, до конца 50-х годов подвергался травле со стороны официальной науки. Косминский высоко чтил Петрушевского как ученого и человека, вместе с А.И. Неусыхиным публично выступал в его защиту. См. последнюю публикацию: Мильская Л.Т. Дмитрий Моисеевич Петрушевский. – Портреты историков..., т. 2, с. 133–142; там же – списки основных трудов Петрушевского и литературы о нем, указание на публикацию документов о его деятельности.

Вы спрашиваете про тему моей публ(ичной) лекции. Я уже прочёл две – "Фашистская фальсификация истории" и "Германская агрессия на восток в средние века". Теперь готовлю третью – "Борьба чешского народа с немцами в XV в." (о гуситских войнах). Публичные лекции выходят у меня живее и темпераментней, чем чтение курса, и нравятся аудитории, но все же это – не то. Женя, родная, я стараюсь писать Вам почтё и посылаю открытки через каждые 2–3 дня. Если Вы их получаете неаккуратно, это уже не моя вина. Пишите, когда Вам захочется и когда будет у Вас время, мне не хочется Вас затруднять. Вам и так нелегко, бедная моя, родная Женя. Омск, Иртыш – какие это холодные, неуютные имена. Теперь я живо представляю себе Вашу обстановку. Должен сказать, что и мой мезонинчик, такой привлекательный летом, имёт совсем другой вид зимой (или осенью – не разберешь, какое теперь время года). Ощущение, точно живешь зимой на даче. Но мне-то жаловаться не пристало, внешне я устроился в Казани хорошо, надолго ли – вопрос другой. Женя милая, дорогая, родная, я крепко верю, что мы еще будем вместе работать над тем, что любим, что все это – временные испытания, которые научат нас и лучше понимать историю, и больше жалеть людей, и больше ценить светлые минуты жизни, и крепче любить близких. Женя милая, любимая, родная, желаю Вам больше здоровья, сил, бодрости, всего, что нужно, чтобы перейти через эту страшную полосу жизни.

Ваш Е.К.

31.XII.41

Женя милая, родная, сегодня последний день старого года. Роковой год в истории человечества и в нашей личной жизни, выбросивший нас из привычной колеи, оторвавший от избранного любимого дела, от Москвы, от Университета. Сколько неизгладимых впечатлений, незабываемая мука за близких, за родину, за человечество. В каком неожиданном разрезе пришлося увидеть человеческую природу, сколько истинно великого, сколько невыразимо гнусного. К концу года стали намечаться просветы на темном горизонте войны, но было бы чрезмерным оптимизмом надеяться, что великий кризис, охвативший почти весь земной шар, разрешится в наступающем новом году. Будем лишь надеяться, что наступающий 1942 г. приблизит разрешение этого кризиса.

Только ли дурным можно помянуть уходящий год? Все же мы увидели много нового, значительно расширили свой жизненный опыт. Для молодых – это неоценимое богатство, для стареющих – часто лишний и тяжелый груз. Для меня истекший год будет навсегда памятен потому, что в нем в мою жизнь вошли Вы и Кира, как дорогие, близкие люди, чья дружба и участие часто поддерживали меня в тяжелые минуты. Ряд близких людей я потерял в это время – надеюсь не навсегда, но и нашел близких и родных, к несчастью в минуту расставания. Поэтому заветная надежда – в новом году встретиться с дорогими.

Университет часто напоминает о себе. Вслед за телеграммами Левицкого¹⁴ и И.Д. Удальцова¹⁵ из Ашхабада получил оттуда же очень любезное письмо Ады Вениаминовны, также с предложением приехать. На днях проездом в Ашхабад¹⁶ был

¹⁴ Левицкий Яков Александрович (1906–1970) – д.и.н., доцент, специалист по средневековой Англии, автор фундаментальной монографии о генезисе английских средневековых городов, глав во "Всемирной истории" (т. 2 и 3), вузовских учебниках и др. После войны преподавал в ряде вузов Москвы: с конца 50-х годов – старший научный сотрудник Института истории АН СССР, член редколлегии "Средних веков", международной комиссии по истории городов. Впоследствии вместе с Косминским издал двухтомный коллективный труд "Английская буржуазная революция XVII века" (М., 1954). Был предан учителю и в последние годы постоянно помогал во всех делах. См. о нем статьи А.А. Сванидзе в кн.: "Средние века". 1971. Вып. 34, и в кн.: Левицкий Я.А. Город и феодализм в Англии. М., 1987; там же – список трудов ученого.

¹⁵ Удальцов Иван Дмитриевич, д.и.н., профессор, специалист по раннему Средневековью в Западной Европе.

¹⁶ Ашхабад – туда был эвакуирован МГУ.

в Ташкенте Б.В. Заходер¹⁷. Он выехал из Москвы 15.XII и в день отъезда видел Киру в ее должности пожарницы. По его словам настроение ее мрачное. Вероятно милая девочка в своих письмах к друзьям пишет не все, нарочно принимая более бодрый и оптимистический тон. Видимо, ей приходится очень нелегко.

На днях я встретил Машу Прицкер¹⁸. Она здесь с Институтом мирового хозяйства. Милая Женя, я так рад, что Ваша семья вместе, что Вы спокойны и что в Томске Вам лучше во всех отношениях. Как дела с работой?

Всеми Вашим привет и поздравление с Новым годом.

Искренне любящий Вас Е.К.

9.XII.42

Милая моя, родная Женя, простите, что так нескоро собрался Вам написать. Дома у меня было неладно (...) ряд огорчений, которые не стоит перечислять, много всяких хлопот – все это мешало мне найти минутку для беседы с Вами. Несколько раз брался я за перо, и всегда что-нибудь мне мешало. Не сердитесь на меня, Женя родная, я всегда думаю о Вас, мой далекий друг. Получил Вашу открытку от 16.XI, писанную за два дня до диспута. Вы обещаете там письмо немедленно после диспута – пока его нет. В Свердловске в эти дни я почему-то все время думал о Вашем диспуте и тревожился и радовался за Вас, хотя был убежден, что диспут уже состоялся и что Вы уже кандидат исторических наук. Вообще мысли о Вас не оставляли меня в течение всей поездки, делаясь особенно глубокими и тревожными во время двукратного следования мимо Омска и Новосибирска (как кратчайшего расстояния до Томска)¹⁹. Получили ли Вы мои письма из этих городов и из Свердловска и мою совместную открытку с Яшой?²⁰

Простите, Женя родная, если письма мои стали реже – ведь и Ваши тоже. Жизнь усложняется и делается тяжелее. Но я убежден, что дружба наша – дружба на всю жизнь, что мы нигде и никогда не потеряем друг друга, если сохраним "человеческий образ" – а в этом я не сомневаюсь. Ваши письма, сшитые нитками, благополучно дошли по назначению.

Женечка, мне кажется, что Вы слишком перегрузились занятиями. Конечно, советы здесь могут оказаться некстати, но я боюсь за Вас, за Ваши силы. Все, что Вы пишете о Ваших настроениях, можно в значительной мере объяснить именно усталостью. Как нехорошо, что Вы плохо спите! Сон – главное освежающее средство. В последнее время я стал спать лучше и чувствую себя бодрее. Это, кстати, потому что помимо домашних неустройств у меня изрядно запущена работа – ведь поездка в Свердловск заняла целый месяц, и за этот месяц не удалось почти ничего сделать – время протекало как-то между пальцев. На днях я читаю в И(нституте)те Истории доклад "Русско-английские отношения в XVIII и начале XIX в." Нужно к 1 янв. кончить всю работу, а еще далеко не все готово даже в смысле сортирования материала. Ждет и "Англ(ийская) деревня".

Женечка, не огорчайтесь тем, что Вы не можете дать студентам что-то "новое". Уверяю Вас, для них оно достаточно ново, а если Вы сумеете им хорошо и ясно подать старое, то и это неплохо. Погоня за "новым" – вещь опасная. Главное – давать не човое, а веское, научное, проверенное, продуманное. Мне кажется, что Вы правильно

¹⁷ Заходер Б.В. – известный востоковед, профессор МГУ. В это время Косминский жил в Ташкенте.

¹⁸ Маша Прицкер – Мария Михайловна Прицкер, член "восьмерки", оставленной Косминским в аспирантуре кафедры средних веков в 1939 г. Ученица С.Д. Сказкина. Впоследствии работала в радиокомитете, занималась проблемами разоружения (начиная с 20-х годов), кандидатскую диссертацию посвятила Мюнденскому соглашению.

¹⁹ "В Свердловске... двукратного следования... расстояния до Томска". Здесь и далее речь идет о командировке Косминского в Свердловск. Гутнова в это время уже переехала в Томск, где преподавала в университете и пединституте.

²⁰ Яша – Я.А. Левицкий.

начали работу в Ваших семинарах. Теперь, вероятно, уже идут доклады. Заранее могу сказать Вам, что семинар по Англии пойдет хуже, менее активно, чем по Салич(еской). Правде, даже если бы и не было приглашения. Тема – сложнее, источники менее доступны, проблемы шире и неопределеннее, требуется большая предварительная подготовка. Но Вы все же не смущайтесь, ведите дело вперед и учитесь на учете ошибок. Как мне жаль, что мы не можем вместе обсуждать все это в Вашей полутемной комнате, глядя на огонек. У меня нет огонька – центр(альное) отопление и к тому же не топят. В комнате холоднее, чем на дворе, где днем бывает +14–16, так что в летнем пальто жарко. Вот Вам и декабрь! Опять зацвели фиалки, появилась снова зеленая травка... Впрочем, метеорологическая станция предсказывает суровую зиму и морозы до -25. Все думаю о Вашей томской зиме, о Вашем холодном и неприветливом крае. В первый раз проехал по Сибири. Особенно грустно было смотреть на Омск – опустелый после Вашего отъезда. Какая-то зима в Москве? Кира боится наступления зимы. Наша милая, бедная Кирочка, когда-то мы будем все вместе вспоминать о пережитом! "Что прошло, то будет мило" – и особенно мило, я уверен, будет воспоминание о нашей неизменной дружбе, о нашей перекличке по огромному треугольнику Москва – Томск – Ташкент. Скоро ли это будет – бог весть! События такого гигантского масштаба требуют времени для полного разворота, и еще раз приходится предостеречь как от легкомысленного оптимизма, так и от небоснованного пессимизма. Предстоит еще очень много испытаний, но исход борьбы уже ясен. Мыслями с Вами. Привет маме и Леше.

Ваш Е.К.

7.I.1943

Женя милая, родная, получил Ваше письмо от 19.XII. Ночь. Ваше письмо лежит на рукописи доклада²¹, который я готовлю к завтрашнему дню. Печальный доклад, посвященный памяти Д.М. Петрушевского. Завтра – заседание, посвященное его памяти. Кроме меня выступят Греков²², Удальцов, Виппер, м(ожет) б(ыть), еще кто-нибудь. Пишу и чувствую, что у меня что-то не выходит, что не хватает умения нарисовать живой портрет Д.М. и адекватно выразить свое к нему отношение. Зато я нарисовал его портрет в прямом смысле этого слова – этот портрет будет завтра выставлен на заседании.

Женя, зачем Вы пишете, что мне должно быть скучно читать Ваши письма с описанием Вашей вузовской работы. Поверьте мне, что для учителя нет большей радости, чем видеть, как его ученики делаются самостоятельными работниками (из его учеников делаются его товарищами), чем наблюдать их первые самостоятельные шаги, чем помогать им в этих шагах. Все, что Вы пишете о своей работе, меня интересует и радует и единственno, что мне печально – это невозможность постоянно делиться с Вами своим опытом и обсуждать Ваши первые шаги и успехи. И вообще, Женя, все, что Вас касается, мне близко и дорого и никак не может быть скучно. Письма Ваши стали редки, перерывы в 10 дней стали обычны. Но каждое Ваше письмо перечитывается не раз, и мысленно я всегда с Вами. Радуюсь вместе с Вами появлению в Вашей комнате электрической лампочки, хотя бы она и разрушила "пещерный" уют. Надеюсь, что веки Ваши больше не распухают.

²¹ "...доклад, посвященный памяти Д.М. Петрушевского". Петрушевский скончался 12 декабря 1942 г. в Казани, работая до последних дней. Косминский высоко оценил его в своем докладе как "одного из лучших... наших учителей".

²² Греков Борис Дмитриевич (1882–1953) – русский и советский историк, академик (1935), лауреат государственных премий (1943, 1948, 1952), в послевоенные годы – директор Института истории АН СССР. Автор трудов по истории Древнерусского государства, средневекового крестьянства на Руси и др. См. о нем: Горская Н.А. Борис Дмитриевич Греков. – Портреты историков.., т. I. Отечественная история: М.Н. Покровский о Б.Д. Грекове. – Там же.

Я очень одобряю Вашу тему "Миф о Фридрихе II"²³. Здесь есть над чем поработать. Показать его истинную физиономию, все лицемерие "просвещенного абсолютизма" "охраны крестьян", циничную внешнюю политику, дутую военную славу, лживость скудоумие политической мысли, бездарное плагиаторство писателя и нутро юнкера "унтера", деспота, слегка покрашенного в защитные цвета "просвещения".

Это интересная задача, и Вам следует за нее приняться, чтобы исправить хотя бы грехи, допущенные Вашим Карлейлем²⁴. Материалы, наверное, найдутся. "Acta Borussia" есть даже в Ташкенте, собрание сочинений тоже, наверное, есть в Томске. Советую только не слишком зарываться в эту тему. Она для Вас должна быть "интересцо" в ожидании работы над парламентом. Но когда Вы найдете время для работы над этой темой при Вашей загруженности и хозяйственных обязанностях?

Женечка родная, Вы жалуетесь на то, что Вам жить неуютно, грустно и одиноко. Что же делать, дорогая? Это еще не худшее, что может быть, и надо учиться это переносить. Если бы я был с Вами в одном городе, я бы наверное сумел отвлечь Вас от грустных мыслей и во всяком случае не дал бы Вам чувствовать себя одинокой. А теперь я могу только мысленно быть с Вами. Я уже писал Вам, что думал о Вас при встрече Нового года и выпил тост за Вас и за все то, что желаю Вам и вместе с Вами.

Получил открытку от Киры. Она пишет, что на 2 месяца перешла на половинную работу, чтобы закончить диссертацию. Но поскольку она все же продолжает находиться в очень трудных бытовых условиях, я очень боюсь, что ей не удастся справиться со своей темой, и это ее сильно травмирует. Так неприятно находиться на большом расстоянии, когда каждый совет приходит с опозданием. К тому же Киру нужно ободрять и внушать ей уверенность в ее силах. Женечка, прерываю письмо, надо вернуться к докладу. Закончу завтра, после заседания. Покойной ночи, моя родная.

8.I. Опять ночь. Сегодня вечером было заседание в память Петрушевского. До этого заседания я нарисовал большой его портрет. Говорят, очень похож и верно схвачено выражение. Рисовал по преимуществу по памяти, фотографий были очень плохие. Заседание прошло торжественно и трогательно. После короткого вступления (ельного) слова Грекова я прочитал свой доклад о Петрушевском как ученом, потом читал Удальцов о Петр(ушевском) как руководителе семинаров, потом Виппер, опять Греков и Бахрушин²⁵ выступали с воспоминаниями о П(етрушевском). Говорили только хорошее, и не в силу латинской поговорки, а от искреннего чувства. Зал был полный. Припоминаю, что в 1939 г. Институт (вернее, его дирекция) не решилась никак отметить 50-летний юбилей научной деятельности П(етрушевского). Видно, человеку нужно умереть, чтобы добиться заслуженных почестей. А теперь всечувствовали, какой это был большой человек и кого в нем лишились.

Женечка родная, у Вас морозы, а у нас тепло. Вчера было Рождество, +14 в тени, на солнце совсем жарко. Сегодня чудная звездная, совсем теплая ночь. Поздно, надо бы ложиться спать, но заседание развиливало меня, не засну теперь. Читаю диссертацию Фаины Абр(амовны)²⁶, присланную мне недавно для отзыва. Большая –

²³ Замысел работы Е.В. Гутновой на тему "Миф о Фридрихе II" не был реализован.

²⁴ "...Вашим Карлейлем". Замечательному историку и видному государственному деятелю Великобритания Д.У. Карлейлю (1802–1864) была посвящена кандидатская диссертация Гутновой, успешно защищенная в Томске в 1942 г. Не была опубликована.

²⁵ Бахрушин Сергей Владимирович (1882–1950) – д.и.н., профессор, лауреат Сталинской премии. Замечательный ученый – русист, художественно одаренная и яркая личность, публицист, известный общественный деятель предреволюционной и постреволюционной России. До середины 30-х гг. неоднократно арестовывался. Воспитанник Московского университета и школы В.О. Ключевского, увлеченный и талантливый исследователь, знаток архивов и источниковед, автор фундаментальных, новаторских трудов по истории Сибири, первых монографических исследований о русском рынке, ремеслах и городах России XVI – начала XVII в. Работал в Институте истории АН СССР, преподавал в МГУ, участвовал в написании ряда крупных трудов. Войну провел в эвакуации, главным образом в Ташкенте. См. о Бахрушине статью А.М. Дубровского в "Портретах историков", т. I; см. там же – список основных трудов ученого и литературы о нем.

²⁶ Фаина Абрамовна Коган-Бернштейн, доктор наук, профессор, специалист по культуре Ренессанса. В послевоенные годы – основатель просеминариев и специализации по этой проблеме на истфаке МГУ,

700 страниц и вполне хорошая. В последнее время стал опять много рисовать, но в большем формате. Все же надеюсь скоро нарисовать что-нибудь и для Вас. Но в самом деле поздно, начинают болеть глаза. Опять покойной ночи, дорогая. Завтра докончу письмо.

9.I. Утро. Это письмо вышло в роде прежних писем-дневников. Плохо спал ночь. Думал о Вас, как Вы перегрузились работой. Знаю, что Вы не впадете в халтуру и в шаблон, но боюсь, по силам ли Вам такая загрузка. Ведь у Вас нет опыта, и каждый шаг дается усилиями. Глупо звучат такие советы, но все-таки прошу Вас, Женя, берегите себя сколько это возможно при данных обстоятельствах. Пишите мне обо всем, что Вас в данное время занимает или тревожит и будьте всегда уверены, что для меня не может быть скучным то, что касается Вас. Удивляет меня упорное молчание Левицкого. Послал ему открытку. Вероятно, что-нибудь не ладится с диссертацией²⁷. Его Евгений – прелестный ребенок²⁸. Как жаль, что я не видел Вашего Лешу. Поколение, по отношению к которому я должен чувствовать себя дедушкой. Быть "дедом" – особое ощущение, к которому надо привыкнуть. Привет Вашей маме и Леше.

Ваш Е.К.

30.XII.49

Дорогая Евгения Владимировна,

Очень сомнительно, чтобы мне удалось встретиться с Вами до Нового года, и неизвестно, когда мы встретимся после Нового года. Поэтому приходится опять прибегать к письму.

Итак, поздравляю Вас с Новым годом! Желаю не только для Вас, а для всех, для всего мира, чтобы этот год прошел благополучно, без новой войны, чтобы народы еще немножко поумнели и образумили своих подлецов-правителей, чтобы мир перестал казаться сумасшедшим домом, чтобы можно было спокойно и радостно отдаваться творческой работе, не ожидая каждую минуту, что над головой обрушится потолок.

А для нас желаю, чтобы кто-нибудь внушил головотряпам и бирократам, что научная работа не исчисляется данными часами и представленными листами, чтобы не душили молодые силы сверхсильными нагрузками, чтобы дали им развернуть настоящую творческую работу. Но боюсь, что это слишком оптимистическое пожелание. Но ведь на то и Новый год.

Для Вас лично, дорогой друг, желаю, чтобы развернулись во всей мощи и красоте Ваши незаурядные дарования, чтобы у Вас нашлась возможность довести до конца Вашу так хорошо начатую работу, чтобы приблизился день Вашего диспута²⁹. Желаю Вам здоровья, сил, полноты духа и того счастья, которое дает творческая работа.

Для себя желаю сохранить хоть некоторый остаток тающих сил для того, чтобы быть хоть немножко полезным моим товарищам и друзьям и продолжать совместную работу с ними. Планов много, но что удастся осуществить – бог весть! Но ведь на то и Новый год!

близкий друг Евгения Алексеевича. В 1949 г., в период "чистки" на истфаке, связанной с так называемой "борьбой против космополитов", была изгнана из МГУ вместе с А.И. Неусыхиным и рядом других видных ученых. Затем работала в Историко-архивном институте и, несмотря на тяжелые болезни, успешно защитила первую в нашей стране докторскую диссертацию о Бодене.

²⁷ Речь идет о кандидатской диссертации Левицкого, посвященной, по совету Косминского, возникновению средневековых городов в Англии на основании данных Книги Страшного суда, и успешно защищенной в 1943 г. В несколько сокращенном виде она опубликована в его посмертной книге "Город и феодализм в Англии". М., 1987.

²⁸ "Его Евгений" – сын Левицкого Евгений Яковлевич Левицкий, впоследствии один из ведущих архитекторов Сахалина.

²⁹ "Диспутом" Евгений Алексеевич обычно называл защиту диссертации. В данном случае речь идет уже о начатой Гутновой докторской диссертации, посвященной проблеме возникновения парламента как сословно-представительского учреждения в Англии XIII в.

Всем друзьям, дружбу которых я всегда ценил, а теперь особенно оценил и почувствовал, желаю того же, что пожелал Вам. Желаю, чтобы эта дружба вылилась в большие творческие достижения. Всех поздравляю с Новым годом! О Вас и о всех друзьях будет моя первая мысль в Новом году.

Ваш Е.К.

11.IV.52

Дорогой друг,
Поздравляю Вас с днем рождения и еще больше с тем, что для Вас каждый новый год жизни – это шаг вперед и выше, а не вниз! И пусть никогда для Вас не наступит это время, пусть Ваша жизнь будет непрерывным восхождением. Хотелось бы, чтобы этот год Вашей жизни был годом окончания Вашей диссертации. Впрочем, не торопитесь. "Служенье муз не терпит суеты". И так мы слишком часто нарушаем эту заповедь.

"Нет у меня для Вас достойного подарка, примите эту конфектную книжечку. Стишки неплохие, но кажется, что их писала Френси Форсайт. Будьте здоровы, бодры, веселы и счастливы.

Ваш Е.К.

21.V.53

Дорогой друг,

Так давно не виделся с Вами – кажется, что прошли годы. Как Вы себя чувствуете, очень ли устали, отложили ли в сторону Вашу диссертацию, как я Вам советовала, или все же заглядываете в нее?

Я поправляюсь, хотя и очень медленно, и доктора пока непускают в Москву. Все же думаю в начале июня приехать. Очень скучаю без друзей и товарищей по работе, очень мало знаю о том, чем они сейчас живут. Слышал, что много диспутировали о Полянском³⁰, но не мог получить стенограммы. Предмет не слишком вдохновительный. Читал покаяние Поршнева³¹. Курьезно, особенно конец. Я думаю, он вызвал у многих на память одну свежую цитату.

Понемногу работаю. Внимательно прочитал некоторые главы из II тома "Cambridge Economic History". Немало интересных и требующих обдумывания фактов и частных наблюдений, и общая методологическая неясность и расхлябанность. К сожалению, интереснейшие проблемы – в частности, город – отложены до III тома. Торговле – преимущественно международной – дан примат над производством – полезно! Все же некоторые (особенно Постан)³² стали немножко осторожней в терминологии.

³⁰ Полянский Ф.Я. – д.и.н., профессор, советский историк-экономист, специалист по политэкономии западноевропейского феодализма. Автор очерков по социальному-экономической истории ремесленных цехов и городов, по товарному производству в Западной Европе в период расцвета Средневековья. Его труды, имеющие более всего характер систематических учебных пособий с позиций советского марксизма, вызывали критику с разных флангов отечественной медиевистики.

³¹ "Читал покаяние Поршнева". Поршнев Борис Федорович, д.и.н., профессор, заведующий сектором Новой истории в Институте истории АН СССР, специалист по истории Франции позднего Средневековья – Раннего Нового времени (интересные труды о Фронде и мн. др.), автор книги о ведущей роли классовой борьбы в эволюции феодальных отношений, подвергшейся критике со стороны ряда серьезных медиевистов за вульгарное применение марксистского метода. Автор первой в отечественной медиевистике монографии по социальной психологии (за которую получил степень доктора философии). Разносторонний, одаренный, яркий и увлекающийся человек (написал, в частности, книгу о так называемом "снежном человеке"). Между тем, не безгрозив публичными политическими обвинениями в адрес коллег (в период расцвета тоталитаризма публично обвиняя в троцкизме С.Д. Сказкина; в резкой форме критиковал Е.А. Косминского за "недооценку" классовой борьбы в эволюции Средневековья и т.п.). Участник многих бурных дискуссий. О чём идет речь в реплике о "покаянии Поршнева", мне не ясно, вероятно, в связи с дискуссией о "классовой борьбе".

³² Постан М. – профессор, английский историк-медиевист и методолог, со своей школой, получившей европейскую известность, автор серьезных трудов, в частности по социальному-экономической истории Англии и Западной Европы.

Всем друзьям, дружбу которых я всегда ценил, а теперь особенно оценил и почувствовал, желаю того же, что пожелал Вам. Желаю, чтобы эта дружба вылилась в большие творческие достижения. Всех поздравляю с Новым годом! О Вас и о всех друзьях будет моя первая мысль в Новом году.

Ваш Е.К.

11.IV.52.

Дорогой друг,

Поздравляю Вас с днем рождения и еще больше с тем, что для Вас каждый новый год жизни – это шаг вперед и выше, а не вниз! И пусть никогда для Вас не наступит это время, пусть Ваша жизнь будет непрерывным восхождением. Хотелось бы, чтобы этот год Вашей жизни был годом окончания Вашей диссертаций. Впрочем, не торопитесь. "Служенье муз не терпит суэты". И так мы слишком часто нарушаем эту заповедь.

"Нет у меня для Вас достойного подарка, примите эту конфектную книжечку. Стишки неплохие, но кажется, что их писала Френси Форсайт. Будьте здоровы, бодры, веселы и счастливы.

Ваш Е.К.

21.V.53

Дорогой друг,

Так давно не виделся с Вами – кажется, что прошли годы. Как Вы себя чувствуете, очень ли устали, отложили ли в сторону Вашу диссертацию, как я Вам советовал, или все же заглядываете в нее?

Я поправляюсь, хотя и очень медленно, и доктора пока непускают в Москву. Все же думаю в начале июня приехать. Очень скучаю без друзей и товарищей по работе, очень мало знаю о том, чем они сейчас живут. Сыпал, что много диспутировали в Полянском³⁰, но не мог получить стенограммы. Предмет не слишком вдохновительный. Читал покаяние Поршнева³¹. Курьезно, особенно конец. Я думаю, он вызвал у многих на память одну свежую цитату.

Понемногу работаю. Внимательно прочитал некоторые главы из II тома "Cambridge Economic History". Немало интересных и требующих обдумывания фактов и частных наблюдений, и общая методологическая неясность и расхлябанность. К сожалению, интереснейшие проблемы – в частности, город – отложены до III тома. Торговле – преимущественно международной – дан прямой над производством – полезно! Все же некоторые (особенно Постан)³² стали немножко осторожней в терминологии.

³⁰ Полянский Ф.Я. – д.и.н., профессор, советский историк-экономист, специалист по политэкономии западноевропейского феодализма. Автор очерков по социальному-экономической истории ремесленных цехов и городов, по товарному производству в Западной Европе в период расцвета Средневековья. Его труды, имеющие более всего характер систематических учебных пособий с позиций советского марксизма, вызывали критику с разных флангов отечественной медиевистики.

³¹ "Читал покаяние Поршнева". Поршнев Борис Федорович, д.и.н., профессор, заведующий сектором Новой истории в Институте истории АН СССР, специалист по истории Франции позднего Средневековья – Раннего Нового времени (интересные труды о Фронде и мн. др.), автор книги о ведущей роли классовой борьбы в эволюции феодальных отношений, подвергшейся критике со стороны ряда серьезных медиевистов за вульгарное применение марксистского метода. Автор первой в отечественной медиевистике монографии по социальной психологии (за которую получил степень доктора философии). Разносторонний, одаренный, яркий и увлекающийся человек (написал, в частности, книгу о так называемом "снежном человеке"). Между тем, не безрезвован публичными политическими обвинениями в адрес коллег (в период расцвета тоталитаризма публично обвинял в троцкизме С.Д. Сказкина; в резкой форме критиковал Е.А. Косминского за "недооценку" классовой борьбы в эволюции Средневековья и т.п.). Участник многих бурных дискуссий. О чём идет речь в реплике о "покаянии Поршнева", мне не ясно, вероятно, в связи с дискуссией о "классовой борьбе".

³² Постан М. – профессор, английский историк-медиевист и методолог, со своей школой, получившей европейскую известность, автор серьезных трудов, в частности по социальному-экономической истории Англии и Западной Европы.

Однако и для него высшие авторитеты Допш³³ и Пиренн³⁴. А у нас все еще нет настоящей критики Допша.

Основным движущим началом все же считается, по-видимому, рост населения (пишу "по-видимому", ибо в этом вопросе имеется намеренная неясность). Падение феодализма как-то связано с падением населения, но с новыми и своеобразными оговорками.

Все это заставило меня значительно переработать свой набросок о смене форм феодальной ренты в Англии и несколько больше остановиться на проблеме феодальной ренты, в целом (отчасти в связи с "Эк(ономическими) проблемами социализма")³⁵. Все это идет не так скоро, как хотелось бы (на меня сверх того свалился опять учебник для средней школы с сотнями отзывов педагогов и "историков", большинство которых сами не знают, чего хотят, или хотят невозможного). Кажется, вспомнили меня и в секторе и хотят послать мне на доработку главу об Англии XIV–XV вв. Но я думаю, что от переработки она станет только хуже, потому что сложнее. Тягостны мне эти прокрустовы ложа! Хочется "просторной" работы, а тут эти бесконечные и неизбытвные хвости. (...)

Здесь (на даче) очень хорошо. Цветут черемуха и вишня, поют соловьи. Будьте здоровы и бодры! Скоро отдых. Мой сердечный привет товарищам.

Ваш Е.К.

12.VI.53

Дорогая Евгения Владимировна,

Кроме официального заключительного слова, председателя (которое вышло, кстати сказать, нескладно, потому что я устал и чувствовал себя плохо) – я хотел бы сказать Вам несколько теплых слов о той радости, которую доставил мне Ваш успех, как отрадно мне видеть Вашу зрелость, вполне "докторскую работу", успешно продвигающуюся вперед, несмотря на все трудности. Уходя со сцены, утешительно видеть, что на ней выросли дарования, и думать, что может быть тут есть прямая преемственность. От души желаю Вам успешно закончить Ваш труд – постарайтесь не расточать при этом Ваших сил, ведь Вам еще много предстоит в будущем.

Не знаю, удастся ли нам еще раз увидеться до каникул. Желаю Вам хорошо отдохнуть – это самое главное. Вероятно, мне придется отложить чтение Вашей (очередной) главы до осени. Теперь я завален работой, с которой еле справляюсь. А читать Вашу работу насрещу мне бы не хотелось.

Будьте здоровы и бодры! Привет друзьям.

Ваш Е. Косминский

25.VI.53

Дорогая Евгения Владимировна,

Спасибо за хорошее, дружеское письмо. Оно меня встревожило. В нем есть мысли и настроения, которым бы не следовало быть. Может быть это только результат

³³ Допш А. (1868–1953) – широко известный австрийский медиевист, специалист по раннему Средневековью и один из влиятельных сторонников знаменитой теории о феодализме как "системе управления". Автор не поддержанной почти никем из серьезных медиевистов концепции о наличии полной частной собственности у франков в V–VI вв. и о капитализме в Каролингской империи.

³⁴ Пиренн А. (1862–1935) – широко известный и влиятельный бельгийский медиевист, исследователь истории городов и торговли, автор получившей значительное распространение "торгово-купеческой" концепции происхождения и развития средневековых городов.

³⁵ "Экономические проблемы социализма" – речь идет об обязательной ("руководящей") тогда работе И.В. Сталина (один из последних трудов).

очень тяжелого года, усталости, и Вы иначе будете смотреть на все после рейса по Волге и отдыха. Но мне не хотелось бы, чтобы Вы уезжали с такими мыслями. Прежде всего – верьте в себя и в свою работу. У Вас есть дарование настоящего историка, настоящего ученого. В Вашу работу Вы вложили много честного и добросовестного труда и уже добились многого. Ваша работа вполне "докторская" и притом хорошая докторская. И совсем не такая бездна труда еще предстоит Вам с ней, если Вы не будете сами нагромождать трудностей. Последуйте моему совету. Не стремитесь исчерпать вопрос до конца. Я, кажется, приводил Вам слова одного старого профессора: "наука бесконечна, где окончишь, там и конец". Мне кажется, что Вы сделали же совершенно достаточно для докторской диссертации, и теперь Вам нужно только то возможности округлить то, что сделано, написать предисловие и заключение, оложив остальное до будущего. Десять лет работы – довольно. Всегда можно заключении написать о еще не завершенных проблемах, которые автор откладывает по тем или иным причинам до будущего. Можно зарезать самую лучшую работу вместе со своим здоровьем), если предъявлять к ней чрезмерные требования. Поверьте моей опытности и подумайте об этом. Поезжайте отдыхать с мыслью, что работа окончена. И Вам совсем не нужно для ее окончания столько времени, сколько ино решением кафедры.

Вы пишете и о других тяжелых настроениях, связанных с Вашей работой в целом. Что же, годы проходят, проходит юность, растет неудовлетворенность и критическое отношение к себе, неизбежны тяжкие минуты сомнения и неверия в свои силы. Но, конечно, больше всего виновата безобразная система "нагрузки", которая мешаетшим научным работникам жить и работать. Тут виноваты и мы, старшие товарищи, что недостаточно нападали на эту бюрократическую систему и начатое дело не доводили до конца. Это наша вина перед нашей молодой сменой, силы которой беспилотно расточаются в угоду бюрократической цифре. Что же, надо пробовать еще раз.

А что Вам кажется, что Вы не получаете ничего нового и теряете старое – то здесь иллюзорного. Старое теряется – и хорошее и плохое – это ощущается больше, чем получение нового. Приобретение нового часто ощущается как потеря. Это закон старта. Но, конечно, при правильной организации работы все это могло бы идти менее опасно.

А в настоящий момент главное – постараитесь хорошо отдохнуть, не тревожьтесь, не угнетайте себя мрачными мыслями: от них ничего лучше не станет. Дышите воздухом Волги, знакомьтесь с новыми людьми, развлекайтесь. В доме отдыха поменьше работайте, отведите себе для работы часа три в день, не больше, а лучше меньше. И возвращайтесь здоровой и бодрой.

Мои дела не очень хороши. Внешние условия для работы и для здоровья созданы самые лучшие, какие возможно. Тяготит, конечно, ослабление общения с научной средой (хотя это общение и не всегда приятно и полезно). Но тяжело, что работать делается все труднее, работа идет все медленнее, нужны месяцы там, где прежде было только нескольких дней. И качество работы не делается лучше от того, что постоянно зачеркиваешь написанное. Худо то, что при замедлении темпа работы скапливаются "хвосты", которые очень тяготят, а иногда дезорганизуют и чужую работу. Свойственное старости преобладание критического элемента над творческим нарушает душевное равновесие и заставляет по-иному оценивать то, что сделано прошлом. А поправлять уже нет сил. Конечно, я постепенно "схожу со сцены". Мыслей много – но уже не удается их оформить и связать в целое. Все надежды связаны со сменой.

Так будьте же здоровы, бодры и ни при каких условиях не падайте духом. свидания – осенью.

E.K.

Окончание следует